

Лавка благовоний.

Занавеска на входе колыхнулась, и лавочник, несший в руках поднос с ароматными мазями, приметил шагнувшую через порог высокую тень. Опустив поднос на прилавок, он приветливо улыбнулся:

— Чего изволит почтенный гость?

Вскинув взор, он увидел статного, высокого юношу, облаченного в простую холщовую рабочую куртку.

— Хозяин, мне бы две пачки зубного порошка, по тридцать вэней за каждую, — раздался чистый, звонкий голос Пэй Яо.

Лавочник сразу припомнил этого юношу: тот заглядывал к нему уже не раз и всякий раз покупал именно этот порошок. Да и как было не запомнить столь пригожего и ясного лицом парня?

С доброй улыбкой лавочник развернулся к деревянным стеллажам и снял с полки два аккуратных тканевых мешочка.

Пэй Яо бывал здесь частенько, а потому, заметив, что приметная одежка мешочков ничуть не переменялась, развязывать их и проверять не стал. Он лишь привычно взвесил узелки на ладони — тугие, пухлые, весу в них было с лихвой.

Достав из-за пазухи две связки монет, он примолвил:

— Здесь в каждой ровно по тридцать.

Лавочник принял плату. Пересчитав лишь одну связку, он приложил к ней вторую, и по длине вмиг уразумел, что счет верный. С веселой улыбкой спустив монеты в большой глиняный кувшин, он ласково кивнул:

— Доброго пути, заходи еще.

Выйдя из лавки благовоний, Пэй Яо зашагал по улице Золотого Лотоса на запад, миновал поворот, прошел еще один переулок и лишь тогда добрался до Овощных рядов.

Время шло к исходу часа Дракона [9:00 утра], так что торгующий и покупающий люд на рынке заметно поредел.

Те, кто успел урвать свежей зелени да овощей, уже спешили с полными корзинами по домам — кашеварить да справлять утреннюю трапезу.

А вот крестьянам, что с первыми петухами пришли в городок Фуян из дальних деревень ради продажи огородного припаса, было не до отдыха: иные из них уныло жевали сухие лепешки, а другие и вовсе стояли с пустым брюхом.

Кому повезло распродать всё подчистую, те с облегчением вздыхали и шагали восвояси, помахивая пустыми коромыслами; те же, у кого товар еще оставался, из последних сил пытались зазывать редких прохожих.

Пэй Юва и Чэнь Чжи как раз собирали нераспроданные остатки: пара кабачков, пара кривых огурцов, три баклажана, да по охалке стручковой фасоли и полынной зелени — всё это как раз

аккуратно уместилось в одной бамбуковой корзине.

Сегодня торговля шла споро, и от бывшего изобилия осталась лишь эта малость, всё остальное раскупили без остатка.

Овощи они собирали на рассвете, прямо с грядок, оттого и товар был на диво свеж. Да к тому же, с ними стоял Пэй Яо — с его-то ладным видом да звонким голосом стоило парню разок крикнуть на весь ряд, как покупатели сами к ним тянулись.

Нынче на пашне больших дел не предвиделось, так что каждые два дня Чэнь Чжи вместе с мужем отправлялся в городок на торги, прихватывая с собой и сына: во-первых, чтобы тот тащил тяжелую телегу, а во-вторых, ради его пользы в торговом деле.

Оттого, когда Пэй Яо попросил у папы монет на покупку зубного порошка, Чэнь Чжи без лишних слов отсчитал ему шестьдесят вэней — сумма хоть и немалая, а для сына не жалко.

На Овощные ряды пускали и с тягловой скотиной, да только быки да ослы нужду справляли где попало, совершенно не разбирая мест. И коли рядом с разложенным чистым товаром осел вдруг навалит кучу, вонища поднимется такая, что покупатели безгласно пройдут мимо.

Городские жители — они ведь не чета деревенским, которые к навозному духу с колыбели привычны; городские — народ чистоплотный, нежный.

Да если бы они и привели осла в город, распрячь его было бы негде, а отдавать скотину на постоялый двор — лишняя трата звонкой монеты.

Огород у семейства Пэй был невелик. Лишь в пору лета и осени, когда овощи да бахча ломились от плодов и съесть всё сами они были не в силах, излишки срывали на продажу. Всякий раз они привозили всего пару корзин, так что ручная тележка была легкой.

Пэй Яо помогал родителям распродать товар, а по возвращении домой сразу отправлялся косить траву для свиней — работы не чурался.

В такие года парень так и пышет молодой силой, энергии в нем хоть отбавляй; коли оставить его без дела, он только и будет, что с рогаткой да удочкой по лесам да рекам бегать, так уж лучше пусть телегу таскает да родителям помогает.

Пустая тележка катилась легко. Пэй Яо накинул ременную лямку на плечо и без особого труда зашагал вперед.

Чэнь Чжи и Пэй Юва шли следом.

Прихваченные из дома паровые лепешки и булочки они успели съесть в перерывах между торговлей. Путь до родной деревни предстоял неблизкий, так что шагали они ходко, не задерживаясь.

Только проходя мимо кузницы, Пэй Яо невольно замедлил шаг и принялся заглядывать внутрь сквозь открытые двери.

В кузнице вовсю кипела работа: двое дюжих мужиков, обливаясь потом, яростно ковали железо. Жаркое пламя горна багровыми отсветами играло на их лицах, из-под молотов с звоном летели искры.

На стенах и деревянных полках было разложено великое множество железного припаса: кухонные ножи, длинные мечи, охотничьи кинжалы, а также большие и малые котлы да разный крестьянский инструмент.

Взор Пэй Яо так и прикипел к выставленным на обозрение кинжалам.

— Будет тебе глазеть, в прошлом году ведь только купили один, — недовольно осадил его сзади Чэнь Чжи.

Пэй Яо пришлось отвести взгляд. И то правда: одного кинжала ему было предостаточно.

Тот нож он купил на собственные, тайно скопленные деньги, выложив за него целый один лян и восемь цяней серебра.

Если бы речь шла о покупке плуга или мотыги для поля, семья бы денег не пожалела. Но кинжал — вещь в крестьянском быту бесполезная, в поле от него проку никакого, обычный кухонный нож в сто крат полезнее.

Пэй Яо прекрасно понимал, что у папы на такую забаву и медного гроша не выпросишь, так что копил сам, пока в его закромах не набралось чуть больше двух лян.

Деревянные фигурки, бумажные змеи, редкие лекарственные травы из леса да свежая рыба, пойманная в реке — всё это он умудрялся сбывать за мелкую монету.

Порой, накопив в бамбуковой роще нежных побегов, набрав полную корзину диких ягод или грибов, он самолично бежал в городок и кричал на рынке, зазывая покупателей.

Чэнь Чжи иногда пытался заставить сына отдать выручку в общую казну, но парень упрямылся: либо отдавал самую малость, либо твердил, что копит на важное дело. Подумаешь, папа побранит немного — пускай, главное, чтобы монеты оставались в собственном кармане.

Видя такую непреклонность единственного сына, Чэнь Чжи для порядка ворчал на него, но силой деньги не отбирал.

Всё-таки Пэй Яо был у них единственным наследником, да и на ветер деньги никогда не бросал — тратил разве что на покупку красок да пахучих масел, чтобы покрывать и раскрашивать свои деревянные поделки.

Ну, или выменивал у бродячих ремесленников резцы, маленькие долота, пилки да старые напильники с точильными камнями.

Продаст деревянную фигурку, выручит монетку — и тут же спускает её на новые инструменты для резьбы.

Дело это больших трат не требовало, оттого Чэнь Чжи и махнул рукой — пускай парень тешится.

Кто же мог подумать, что в прошлом году этот сорванец умудрится купить настоящий кинжал!

Для резьбы по дереву у него имелись свои, проверенные резцы, а этот нож он из ножен почти не вынимал, ни дощечки, ни бамбукового колена им не обстругал — кинжал просто лежал на видном месте, радуя взор хозяина.

Чэнь Чжи как-то спросил его: зачем, мол, тебе эта железка, ведь для работы она совершенно

не годится, другие резцы куда как сподручнее и легче в руке лежат?

На что Пэй Яо честно и открыто вымолвил лишь одно слово: «Нравится».

У Чэнь Чжи от такой простоты даже злость пропала. Он лишь сокрушенно вздохнул, заметив, что хорошо, мол, что не сыну доверена казна, иначе они бы по миру пошли с этими красивыми, но бесполезными побрякушками.

Пэй Яо свою покупку берег пуще глаза и возвращать кузнецу отказывался наотрез. А поскольку Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоань души не чаяли в старшем внуке и всячески его выгораживали, кинжал так и остался в его комнате.

*

Огород.

Чанся, согнувшись в три погибели, аккуратно срывал нежные листочки мяты. Стоило ему разогнуть спину, как со двора донеслись знакомые голоса.

Первыми в калитку вошли Чэнь Чжи и Пэй Юва, а следом за ними Пэй Яо вкатил ручную тележку.

На губах Чанся расцвела кроткая улыбка, и он ласково промолвил:

— Папа, дедушка только что поймал в реке несколько карасей. Они хоть и невелики, но, может, в обед наварим рыбный суп?

Чэнь Чжи согласно кивнул:

— Ладно, мы и впрямь давненько не лакомились рыбным бульоном.

Пэй Яо мимоходом мазнул взглядом по Чанся, но не проронил ни слова. Пройдя в глубь двора, он скинул с плеча ременную лямку и принялся выгружать из тележки пустые бамбуковые корзины и плетеные лотки.

Чанся зачерпнул чистой воды и принялся промывать мяту — её полагалось бросить в котел перед самым окончанием варки рыбы.

— На, держи, — вдруг раздался над ухом голос Пэй Яо.

Вглядевшись в протянутый тканевый мешочек, Чанся сразу признал зубной порошок. Отложив вымытую зелень на бамбуковое сито, он тщательно вытер руки о холщовый передник и лишь тогда принял подношение.

— Это всё мне? — удивленно вскинул он глаза.

Взор Пэй Яо замер на его лбу, аккуратно там, где алела природная метка. Юноша тихо выдохнул:

— Угу, я сегодня две пачки купил.

Неяркие лучи утреннего солнца мягко освещали лицо Чанся, золотя едва заметный нежный пушок на его щеках.

Кожа на его лице, в отличие от огрубевших от вечной работы рук, оставалась удивительно

нежной и белой. В этих лучах света вокруг него словно разливалось мягкое, безмятежное сияние.

Чанся от природы был созданием смирным и послушным, так что эта чистая, кроткая мягкость была ему удивительно к лицу.

Когда их глаза встретились, ресницы Чанся испуганно дрогнули. Он в панике отвел взгляд и пониже опустил голову, крепко сжав в пальцах заветный узелок.

Пэй Яо с трудом заставил себя отвести взор. Его кадык судорожно дернулся, словно он с трудом сглотнул подступивший к горлу ком. Повернувшись, он покатил тележку к забору, аккуратно приставил её к стене, после чего собрал пустые корзины.

Чанся поспешил в свою комнату. Отыскав на полке небольшую глиняную баночку для притираний, он развязал узелок и принялся пересыпать порошок.

Мешочек был набит туго, так что стоило ему высыпать едва ли половину, как баночка наполнилась до самых краев.

Он покрепче затянул тесемки на мешочке и спрятал остатки порошка на дно деревянного сундука.

Во всем семействе Пэй один лишь Пэй Яо завел привычку чистить зубы этим порошком каждый божий день.

Всякий раз, как сын привозил из города заветные узелки, папа Чэнь Чжи заставлял его делиться с названным братом, так что Чанся, можно сказать, пользовался этим благом по чистой случайности.

По сравнению с обычной солью или свежими ивовыми прутиками, покупной порошок из лавки благовоний был куда нежнее, приятнее на вкус, да к тому же в него подмешивали целебные корни.

Конечно, рассказы о том, будто от него зубы белеют словно жемчуг, а изо рта круглые сутки благоухает цветами, были чистой сказкой, но какому чистоплотному молодому человеку не захочется побаловать себя такой приятной вещичкой?

Впрочем, в деревне Ваньэр мало кто тратил монеты на подобную роскошь. Вдоль берегов повсюду росли плакучие ивы: отломишь свежую веточку, разжуешь её хорошенько с утра — вот тебе и чистка для зубов. Кто подотошнее, те и перед сном не ленились сорвать новый прутик.

Ивовые ветки денег не стоили, оттого и были в почете у простого люда.

Иные крестьяне обходились обычной крупной солью, натирая ею десны и полоща рот чистой водой.

Старшие в семействе Пэй покупным порошком пользовались редко — разве что когда вспомнят, так попросят щепотку у Чанся или у внука.

Куда привычнее для них были всё те же ивовые прути. А ежели зубы начинали ныть от холодной воды или сладости, они просто разводили щепоть соли в теплой воде да полоскали рот поутру и перед сном — так даже с ивой возиться не приходилось.

Чанся тоже, в отличие от брата, не тратил дорогой порошок ежедневно: то веточку разжует, то соленой водой обойдется. Ведь сколько бы Пэй Яо ни привозил мешочков из города, Чанся доставалась лишь малая доля.

В восточном флигеле Пэй Яо точно так же пересыпал порошок в свой личный кувшинчик.

Снадобье из этой лавки было отменным, и здешний аромат пришелся ему по душе.

Тридцать вэней за пачку — цена для товара среднего разбора. Были в лавке узелки и по двадцать пять монет, но Пэй Яо как-то купил такой на пробу, и тамошний запах ему совсем не понравился.

Конечно, тридцать вэней для деревни — деньги немалые, на них можно было купить целых два доу [около 7.5 кг] хорошего риса. Но лавочник торговал честно, вешал без обмана, так что одной пачки парню хватало без малого на два месяца.

Если посчитать, выходило всего по пятнадцать монет в месяц.

Семьи, что жили чуть справнее прочих, могли немного урезать себя в иных расходах, и на зубной порошок для детей монеты всегда находились.

Чанся вышел на крыльцо и заметил, что дверь в восточный флигель осталась приоткрытой. Поколебавшись немного, он всё же решился подойти ближе и, замерев на пороге, тихо спросил:

— Брат, может, мне снять твоё одеяло да постирать? Да и в комнате у тебя за эти дни пыли знатно скопилось, надо бы подмести.

В комнате у Пэй Яо всегда царил порядок, постель была аккуратно заправлена.

Как и у Чанся, в ногах деревянного кана у него высился массивный сундук для одежды. Стол в его комнате был побольше, и помимо чайных чашек, у самой стены на нем ровными стопками теснились небольшие деревянные шкатулки и ларцы.

Чанся прекрасно знал, что в тех ларцах парень хранит свои многочисленные ножички, долота да ту самую дорогую и заветную саблю-кинжал, к которой чужакам и прикасаться-то строго-настрого запрещалось.

Страшась разгневать вспыльчивого брата, Чанся никогда не входил в его комнату без спроса: всегда дожидался его возвращения, спрашивал дозволения и лишь тогда принимался за уборку.

Да что там говорить — даже папа Чэнь Чжи без крайней надобности не совался к вещам сына, дабы этот упрямый осел не взбрыкнул и не принялся потом ходить с недовольной миной целыми днями.

— Ладно, — кивнул Пэй Яо. Раз уж Чанся вызвался помочь, сам он за метлу браться не любил.

Чанся подошел к кану, потянулся всем телом и подхватил лежавшее на сундуке тонкое летнее одеяло. Ноша была легкой, и он, прижав холстину к груди, поспешил к выходу.

Пальцы Пэй Яо, висевшие вдоль тела, невольно сжались в кулак. Он хотел было что-то сказать, но нужные слова так и не пришли на ум, и он лишь молча повернулся к столу, провожая брата

взглядом.

На самом верху стопки ларцов покоился небольшой деревянный ящичек. Там хранились уже полностью готовые, раскрашенные поделки: пара пузатых синих синиц, которых он планировал выгодно сбыть на ярмарке, и та самая расписная уточка-мандаринка.

*

Иногда, когда у Пэй Юва находились неотложные дела по дому, Чэнь Чжи спозаранку кликал сына, и они вдвоем отправлялись в город продавать овощи.

Так пролетело больше полумесяца. Каждый день приносил в семейную казну от нескольких десятков до сотни мелких монет, что позволяло безбедно справлять повседневные нужды и покупать провизию.

Однако, помимо забот об огороде и торговле, сердце Чэнь Чжи по-прежнему точила заветная дума — как бы поскорее сосватать Чанся в хорошую семью.

Как раз в ту пору к их соседям, семейству Ян, приехала погостить дальняя родственница. Чэнь Чжи дружил с хозяйкой дома, Чжао Цинь, а потому, заглянув к ней на посиделки, случайно услышал от заезжей тетушки рассказы о молодых людях из соседних краев, у которых подошел брачный возраст. Сердце Чэнь Чжи екнуло, и с тех пор он повадился заглядывать к соседям чуть ли не каждый день — расспрашивал обо всем мимоходом, выводывал подробности.

И надо же — упорство его было вознаграждено, дело сдвинулось с мертвой точки!

В деревне, куда уехала жить та самая тетушка из рода Ян, отыскалась подходящая семья. Сыну их исполнилось девятнадцать лет — как раз ровесник нашему Чанся. Прежде они жили бедновато, оттого парня и не успели сосватать вовремя.

Но стоило сыну войти в года да стать главной опорой дома, как за последние два года хозяйство их пошло в гору. В нынешнем году они умудрились прикупить еще два му земли — словом, обзавелись крепким достатком. Вот родители и принялись со всем усердием искать для сына пригожую пару.

По словам тетушки, дом у них хоть и стоял старый, без новой пристройки, но комнаты содержались в идеальной чистоте, так что жить там можно было в полном довольстве и уюте.

Чэнь Чжи рассудил про себя: раз есть и земля, и собственный кров, да и вся семья, по слухам, состоит из работающих и честных людей, то это ли не удача?

Чем больше он размышлял об этом, тем явственнее видел в этом перст судьбы: парню ровно девятнадцать, ни стар, ни млад, точь-в-точь как Чанся — никому не будет обидно.

А то, что их достаток чуть уступал семейству Пэй — так это даже к лучшему! Папа снарядит для Чанся богатое, щедрое приданое, и тогда разумные люди наверняка не станут попрекать сироту тем, что в прежние годы его прочили в суженные для Пэй Яо.

Ближе к вечеру.

Вся семья, немного вздремнув после полуденного зноя, принялась за дела. Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоань ушли в лес собирать хворост, а Пэй Юва отправился в Старое поселение — помочь одному из односельчан, который затеял возводить новую каменную ограду вокруг своего

подворья.

Чэнь Чжи, прихватив кошель, решил сбегать за свежим соевым творогом-тофу. Проходя мимо Старого поселения, он повстречал знакомцев, остановился перекинуться парой слов и случайно проведал, что в деревне Юйтань местный мясник по фамилии У затеял забой свиней. Оказалось, эти два дня мясо у него шло на два вэня дешевле обычной цены.

Деревня Юйтань располагалась далековато, за поселением Чжаоли.

В последнее время за цзинь свинины просили не меньше двадцати монет, а тут — всего восемнадцать! Многие хозяйки из Ваньэр загорелись этой вестью и уже собирались в путь за припасами.

Чэнь Чжи прикинул в уме: солнце еще высоко, отчего бы не вернуться домой, взять из сундука монеты да не купить хорошей свинины, дабы порадовать домашних сытным ужином?

Он поспешил обратно. Но стоило ему подойти к собственной калитке, как взгляд его выхватил высокую фигуру сына, направлявшуюся к западной стороне двора.

Было похоже, что Пэй Яо крадучись пробирается в комнату Чанся.

Ворота от самого дома отделяла полоса огорода, так что Чэнь Чжи успел заметить лишь мелькнувшую тень сына, которая в мгновение ока скрылась за дверью флигеля.

Чэнь Чжи замер на месте. Сперва он не придавал этому значения, но сделав пару шагов вперед, внезапно почувствовал, как сердце тревожно екнуло.

Веки его невольно задрожали. Ругая себя за излишнюю подозрительность, он тем не менее инстинктивно зашагал тише и бесшумно двинулся к западному флигелю.

Западная комната.

Тяжелая дверь была плотно закрыта. Чанся отступал шаг за шагом, пока спиной не уперся в край деревянного кана — бежать дальше было некуда.

— Нельзя... — испуганно качал он головой, и в глазах его застыл неподдельный страх.

Кадык Пэй Яо судорожно дернулся. Его прямой, горящий взгляд был намертво прикован к губам Чанся, и он шумно сглотнул слюну.

Вспомнив, что этого дуралея нужно сперва задобрить и приласкать, чтобы тот сменил гнев на милость, парень постарался придать своему голосу как можно больше нежности:

— Да ладно тебе... Дома ведь ни единой души нет. Мы ведь всё равно поженимся, к чему чуждаться друг друга, мы ведь не чужие.

Его вкрадчивый, тихий шепот зазвучал над самым ухом Чанся, увлекая за собой:

— Вот сыграем свадьбу, стану поцелуями тебя осыпать каждый день. Нацелуемся всласть, глядишь, со временем и надоест, и перестанем...

Чанся хоть и был простодушен, но дураком отнюдь не являлся. Такие речи и заводить-то не следовало! Что еще за «надоест»? Как бы там ни было, а свадьбу они еще не сыграли, и законы приличия никто не отменял.

Но молодой парень уже склонил голову ниже, шепот его сошел на нет, и Чанся ощутил его горячее дыхание на своей щеке. В следующую секунду его губы оказались крепко зажаты чужим ртом.

Влажный жар проник между губ, настойчиво пытаясь разомкнуть зубы. От такой бесцеремонной обиды Чанся едва не залился горькими слезами.

— Пэй Яо!

Внезапный, громоподобный яростный крик разорвал тишину, донесясь прямо из-за открытого окна.

Чанся от страха оцепенел, лицо его вмиг сделалось мертвенно-бледным.

Пэй Яо тоже на миг растерялся и струсил, но заметив, как его названный брат затрясся от ужаса, готовый вот-вот рухнуть без чувств, тут же крепко обхватил его за спину, не давая упасть на подкосившихся ногах.

<http://bllate.org/book/17875/1728034>